

О матери...

Сэтоши Мотидзуки

После ухода от бабушки Сэтоши долго думал, что ему делать и куда пойти. Решив выбрать какой-нибудь бар, он направился вниз по дороге, думая над тяжелым и очень опасным разговором. Опасным он был потому, что из-за каких-то неправильных мыслей мог начать делать что-то для себя нехарактерное. Например, напиться. Он заказал себе гиндзе, и сел за столик. Везде царило веселье, но на его душе было темно, будто бы там поселилась энергетическая опухоль, пожирающая все хорошее и прекрасное в душе. Он не понимал, что делать с этим знанием, и совершенно не знал, что делать с дальнейшей жизнью. Заниматься дальше непонятным делом, выслушивать комментарии отца о своей тупости, или просто бросить все и уехать?

Нет, уехать он не мог. Он не мог предать отца, ведь он благодарен своим родителям за то, что у него есть все, что можно пожелать. Он хочет приносить пользу, просто... это все было глупо и пахло юношеским максимализмом. Но он был взрослым человеком, ему необходимо было распутаться из этой паутины.

После второй порции напитка он достал распечатку и пробежался по тексту. Она была артисткой второго плана какого-то известного лондонского театра, ездила на гастроли. Он хмыкнул и покачал головой. Снова в горле возник противный комок слез, и он сглотнул. Убрал распечатку, допил напиток и, расплатившись, вышел из бара. Медленно направился домой.

Пешком до дома идти было долго, и в квартиру он вошел через полтора часа. Сегодня он пришел даже позже отца, и хмыкнул.

- Добрый вечер, - поздоровался он, останавливаясь у столовой.

Путеводная Нить

Не то, чтобы Шотаро постоянно проверял, чем на работе занимается сын, но обычно он всегда имел представление, когда тот приходит и уходит. Уже хотя бы потому, что частенько они приезжали и уезжали вместе. Шотаро не любил сидеть за рулем, предпочитая, чтобы его возил кто-то из сыновей, что после отъезда Джуна автоматически легло на плечи Сэтоши. Конечно, он нередко засиживался на работе дольше сына, но обычно сообщал ему об этом, да и просто мог зайти в течение дня, поскольку их кабинеты находились рядом. Поэтому неожиданное исчезновение Сэтоши с работы не могло остаться для его незамеченным.

Обнаружив, что сын куда-то ушел, Шотаро попытался выяснить причины и с удивлением узнал о странной посылке из Пекина, вскоре после получения которой помощник финансового директора покинул свое рабочее место. Для него Пекин не ассоциировался ни с чем хорошим, поскольку там жил брат со своей странной женой, а также еще какие-то не слишком нормальные люди из их компании. Поэтому он, ожидая любых последствий, не удивился позднему возвращению Сэтоши, по которому было прекрасно видно, что сегодня тот решил побаловать себя алкоголем.

- А вот и наш гуляка вернулся, - усмехнулся он, отрываясь от ужина и хитро глядя на сына. - В честь чего у тебя сегодня попойка? В честь прогула? Может вычесть у тебя из зарплаты?

Шотаро поймал на себе обеспокоенный взгляд Мизуки, поэтому быстро коснулся ее руки, показывая, что не собирается наказывать сына. Он понимал, что у того должны были быть серьезные причины, но не был уверен в своей готовности узнать причины всего происходящего, хотя и понимал, что оттягивать серьезный семейный разговор до бесконечности у него не получится.

Сэтоши Мотидзуки

Раньше он всегда сначала переодевался в домашнюю одежду, а потом выходил к семье обедать. Или ужинать. Но вот сейчас ему хотелось сделать что-то неправильное, противоречащее логике и здравому смыслу. Хотя чудить он начал на банкете в честь свадьбы дяди Тору, а потом был этот корпоратив, который вытащил на волю этих демонов. И вот теперь разговор с бабушкой.

Раньше он был уверен, что она просто их бросила. Но эта фотография, где она держала на руках его, еще тогда маленького годовалого мальчика, показала ему, что она была вынуждена это сделать. Отец поставил ей условие. Как можно ставить условия людям, которых любишь? Получается, отец никогда ее не любил? Или он не любил сына? Почему-то эта мысль сейчас стала какой-то навязчивой, странной и очень жуткой. Он вздрогнул и тряхнул головой. От этого она закружилась. Он сел за стол и, чего себе никогда не позволял ранее, вальяжно развалился на стуле. Смерил отца гневным взглядом, прищурившись.

- Пожалуйста. Вычти из зарплаты, если тебе станет легче, - фыркнул он.

Путеводная Нить

Шотаро очень редко видел сына выпивающим больше пары бутылок пива, а уж про то, чтобы тот приходил домой после ощутимого употребления алкогольных напитков и речи никогда не шло. Сэтоши был домашним мальчиком, никогда не выступающим против семейных правил и не позволяющим себе грубить отцу, поэтому его поведение, больше подходящее для бунтующего подростка, а не для взрослого мужчины, казалось ему чем-то из ряда вот выходящим.

Но главной проблемой сейчас была даже не запоздалая попытка юношеского бунта, а то, что Сэтоши открыто нарывался на конфликт в присутствии Мизуки, которая и так последнее время волновалась за него сильнее обычного. А втягивать жену в то, что должно было быть решено между двумя мужчинами, Шотаро не хотел, поэтому отставил свою практически пустую тарелку и кивнул в сторону небольшой комнатки, считающейся чем-то вроде его кабинета.

- А ну ка пойдем со мной. Думаю нам давно пора поговорить. Поешь потом, ужин от тебя никуда не убежит. - Шотаро остановил Мизуки, которая хотела уже было высказаться по этому поводу и поднялся из-за стола. Конечно, Сэтоши мог и не согласиться разговаривать с ним наедине, но он очень надеялся, что у сына хватит хотя бы немного здравого смысла, чтобы послушаться и не усложнять и без того

неприятную ситуацию.

Сэтоши Мотидзуки

- Я не голоден, спасибо, - хмыкнул он, поднимаясь со стула. Ноги не очень хорошо слушались, и он не был уверен, что нормально дойдёт до кабинета отца. Кивнув матери, что всё хорошо и не надо беспокоиться, он направился следом за отцом в его рабочий кабинет.

Там всё было как всегда. Всё на своих местах, эти фотографии семьи, которые стояли на полочке, пара фотографий на его рабочем столе, в рамочках. На одной были родители, на другой были все вместе. Маленькое семейное фото. Отец, мать Мизуки, Джун и он сам. Он не вписывался в эту семью. Он имел только эту фамилию, но после разговора с бабушкой, нескольких порций sake и долгого бесцельного бродения по городу, он стал чувствовать одиночество ещё сильнее, чем это было раньше. Почему отец избавился от неё? И что теперь ему делать с этим новым знанием? Он не был готов это знание получить, и он не видел выхода из этого лабиринта.

Где-то отголосками сознания он понимал, что ведёт себя не так, как должен, что он просто должен извиниться перед отцом и уйти спать, чтобы завтра начать новый день. Но у него не было сил. Он понимал, что должен серьёзно поговорить с отцом, но ведь он много раз старался вытянуть его на разговор, хотя тогда он был всего лишь глупым ребёнком, который не должен лезть во взрослые отношения.

Может быть, нужно было высказать всё, что накопилось на его душе, обвинить отца в сломанной судьбе, но... ведь это неправильно. Поэтому он просто сел на стул по другую сторону стола и с вызовом посмотрел на него.

Путеводная Нить

Сэтоши не стал отказываться от приглашения проследовать в кабинет, поднявшись из-за стола вскоре после него самого. По тому, как сын переставлял ноги, чувствовалось, что несмотря на свои последние попытки подружиться с алкоголем, пить он так и не научился. И тем нелепее казалось его стремление молча противостоять отцу, одним своим видом выражая несогласие с установленными в семье правилами.

Сэтоши первым уселся на стул, стоящий напротив его рабочего места, хотя в его, так называемый, кабинет практически никто никогда не заходил. И, встретившись с ним взглядом, в котором светилось юношеское упрямство, Шотаро хмыкнул и уселся на свое привычное место, какое-то время просто постукивая пальцами по столу и пытаясь подобрать правильные слова, которые почему-то никак не приходили в голову.

- Ну, - он сделал небольшую паузу, - если тебе так плохо живется, скажи, наконец, чего ты хочешь, а не пялься на меня, как на местное чудовище. Не съем же я тебя в конце концов.

Шотаро догадывался, что именно не устраивало его сына, но предпочел бы услышать это лично от него, а не играть в чтение мыслей, тратя драгоценное время

и лишний раз мотая друг другу нервы. Да и неприятный разговор оттягивать больше не имело смысла, поскольку они уже дошли до той той черты, когда жить, как раньше, казалось невозможным.

Сэтоши Мотидзуки

Он понимал всю глупость сложившейся ситуации, ему было стыдно за своё поведение, он который раз порывался попросить прощения и уйти, чтобы продолжить своё привычное существование. Чтобы не мотать нервы отцу, который очень много сделал для компании, для семьи. Для него самого. Ему вспомнились слова отца о том, что другие мечтают занять это место, а они с Джуном постоянно выглядят недовольными.

- Хорошо, - обречённо сказал молодой человек, понимая, что выглядит жалко, ничтожно. В голове крутилось множество мыслей, и он не мог их собрать воедино, разложить по полочкам и чётко ответить на вопрос, а что же он хочет. Потому что по факту оказывается, что он совершенно ничего не хочет.

- Я... - он опустил голову и старался правильно подбирать слова, - ты мне, наверное, не поверишь, но мне действительно хочется понимать всё вот это, все эти цифры и отчёты. Я хочу извиниться за то, что летом наговорил тебе гадости, но... после свадьбы я... у меня есть увлечения, и я... хотел бы посвятить себя хотя бы одному из них.

Это было совсем не то, что он хотел сказать, но это нашёптывал ему алкоголь. Он обречённо вздохнул и в очередной раз понял свою ничтожность.

Путеводная Нить

Как он и предполагал, надолго Сэтоши не хватило и его грозный взгляд быстро сменился на затравленный. И это тоже была одна из причин, почему он частенько злился на своего сына. Тот совершенно не умел отстаивать свое мнение или четко высказывать свою позицию. Конечно, Шотаро, наверняка, был бы с ним не согласен, но так у него хотя бы не возникало ощущения, что он бьется головой о стену в нелепой и неэффективной попытке достучаться до собственного ребенка.

- Ты сказал столько всего, но, по факту, так ничего и не объяснил. - Шо почувствовал раздражение, поскольку общение с сыном больше походило на игру в разгадывание загадок. А Шотаро не любил игры, особенно в таких серьезных вопросах, как семейные отношения.

- Перестань любоваться на свои ноги и четко скажи, что конкретное ты предлагаешь. Эта история про твои непонятные увлечения мне ни о чем не говорит.

Шотаро вздохнул и с тоской посмотрел на шкаф, где стояла еще не открытая дорогушая бутылка дайгиндзё, которой он собирался угостить уже месяц, но так и не находил подходящего повода. Но, видимо, после этого разговора с сыном, его терпению суждено было закончиться, так что он уже начал предвкушать, как в тишине своего кабинета немного расслабится и позволит себе доступными способами полечить нервы, изрядно потрепанные из-за проблем со слишком взрослыми и требующими самостоятельности сыновьями.

Сэтоши Мотидзуки

Он сцепил руки в замок и продолжил разглядывать свои ноги, не желая поднимать голову и смотреть на отца. Ему было страшно, он чувствовал по голосу отца, что тот сильно раздражен. Хотелось просто плюнуть на все, послать всю эту компанию к чертям, собрать какие-нибудь вещи и уехать. Дядя Тору так и поступил, он нашел свое место, он жил себе спокойно, не вспоминая ни семью, ни эту компанию. Он даже не появился на памятное открытие фабрики. И ведь он ни о чем не жалеет. Или Джун... он тоже уехал, сказав отцу, что ему не нравится то, чем он занимается. А он, Сэтоши, почему он не может просто сказать отцу, что не хочет этим заниматься?

Некоторое время назад он понял, что ему эта работа нравится. Просто он не умел ее делать правильно, но он старался. Джун умел считать, но ему это не нравилось. Сэтоши хотел, чтобы брат нашел свой путь. Он вздохнул и прикрыл глаза, понимая, что никак не может собрать все детали этого странного паззла, в который превратилась его жизнь, воедино. Он должен что-то поменять, он обязан какую-то часть изменить, чтобы жизнь вернулась в привычное русло.

Он молчал долго, а потом тяжело вздохнул и поднял голову. Его мотало от одной яркой эмоции к другой. Он хотел высказать отцу все и про себя, и про то, что он выгнал женщину, которую любил сын, и про много чего другого. Но в то же время он боялся реакции отца на эти слова. Может действительно это все глупо?

Он сейчас был похож на маленького мальчика, который вошел в опасный и сложный лабиринт и никак не может найти дорогу к выходу, постоянно натываясь на разные преграды. Он совершенно не понимал, что происходит, что делать дальше, чтобы стало спокойнее, легче, проще.

- Я не знаю. Мне... я хочу научиться играть на флейте. Я не знаю, как это может помочь моей работе или помешать ей, - он вздохнул и, посмотрев на отца, снова опустил голову. Все это казалось чем-то глупым.

Путеводная Нить

Сэтоши опять на какое-то время впал в ступор, никак не комментируя его слова, и Шотаро почувствовал, как его раздражение усилилось вдвое. Он устал от того, что из сына все приходилось тянуть чуть ли не клещами, словно он был военнопленным и пытался скрыть от того, кто его допрашивал, какую-то очень важную информацию. Хотя, как казалось Шо, в проигрыше от всего происходящего оставался именно Сэтоши, только растягивая из тяжелый разговор.

- Играть на флейте? - Неожиданное откровение сына, показавшееся ему какой-то нелепицей, по сравнению с тем, что он уже успел себе напридумывать, заставило Шотаро расхохотаться. - И это все? - То есть ты тут закатываешь концерты из-за какой-то дурацкой флейты? Конечно, я считаю подобное занятие, непонятно как пришедшее тебе на ум, пустой тратой времени, но если тебе так приспичило - пожалуйста, играй на чем хочешь. Хоть на флейте, хоть на гитаре, хоть на барабанах.

Все еще посмеиваясь, Шотаро встал со своего места и подошел к заветному шкафчику. На душе даже как-то полегчало, ведь он ожидал от сына совсем других слов, поэтому, решив, что подобное благополучное разрешение вопроса стоит отметить, он потянулся за заветной бутылочкой дайгиндзё, в последующем процессе открывания которой, бросил вопросительный взгляд на Сэтоши.

- Будешь?

Сын уже и так был не трезв, но Шотаро не сомневался, что еще пара глотков элитного алкоголя в отцовской компании его не убьет, поэтому не дожидаясь его ответа извлек из шкафа еще и пару стопок, которые, вместе с уже открытой бутылкой и понес к своему столу.

Сэтоши Мотидзуки

Отец рассмеялся своим громким голосом, и это заставило молодого человека вздрогнуть. Румянец на щеках сменился бледностью. Ему никоода не нравился это смех. Он слышал его достаточно часто, даже чаще, чем смех из-за веселья. Потому что у этого смеха была какая-то другая аура. Смех такой часто слышался в кабинете отца, когда тот отчитывал какого-то нерадивого сотрудника или его самого, но при разговоре с Джуном отец никогда так не смеялся. И от этого было обидно вдвойне, ведь в детстве и юности Сэтоши чувствовал себя из-за этого каким-то неполноценным и неправильным. Потому что ему в те времена подавалась информация, что Джун идеален во всем, а он, Сэтоши, являлся ошибкой. И было бы совсем ужасно и тоскливо, если бы не Мизуки, которая хоть немного подбадривала его, просто ничего не говоря и не влезая в конфликты. А просто своим участием помогала пасынку быть сильным и не натворить никаких дел, о чем бы потом все жалели. Только вот сейчас, кажется, он был уже не далек от того, чтобы натворить дел, о которых будет жалеть.

Когда отец спросил его, будет ли он пить, он просто кивнул, впрочем не был уверен, что отец как-то отреагирует на это. Когда отец поставил на стол бутылку со стопками, неожиданно для себя резко взял бутылку и небрежно плеснул в емкость, пролив несколько капель на стол. Залпом выпил и поставил стопку обратно.

- Странно, что ты не стал мне говорить, что это мне нельзя это делать. Но если хочешь знать, то меня достало все это. Меня достало, что ты мне ни разу не сказал хорошего слова, хотя Джун ты даже при мне хвалил. Я устал от того, что родной отец меня постоянно называет тупым, никчемным, ни разу не соизволив найти время поговорить со мной, когда мне это было нужно. Но с Джуном ты находил время для общения чаще. Но... - он снова налил и выпил, пролив немного на свою белую рубашку. - Тебе, наверное, будет интересно знать, что мне очень сильно понравилась подруга Яреци, у которой я провел ночь. Мне она открыла глаза на многие вещи. И да, я... влюбился в нее...

На последних словах его голос дрогнул, он горько хмыкнул и посмотрел на отца, дыша глубоко и часто. Повысилась температура тела, шея покраснела. Он не жалел о своих словах, и он был рад тому, что сейчас смог еще немного алкоголя выпить. Потому что без него сказать все это было бы трудно.

Путеводная Нить

Когда он предлагал Сэтоши выпить, то даже и предположить не мог, что сын так рьяно возьмется за дело, наливая себе одному и выпивая дорогой алкоголь, словно это была обычная вода, еще и умудряясь пролить несколько капель на его стол, чего Шотаро просто не выносил. Но отчитать сына, впрочем, как и выпить самому, он не успел, поскольку на него посыпался град обвинений, с частью из которых, он, к своему глубокому сожалению, должен был согласиться.

Приводя Сэтоши в пример брата он и подумать не мог, что когда-нибудь его попытка помочь сыну стремиться к лучшему превратится в почву для обид, которые не исчезнут даже после того, как его дети уже станут взрослыми. И, понимая, сколько ошибок он уже успел наляпать, Шотаро в который раз за последние месяцы почувствовал себя никчемным отцом, вместо того, чтобы защитить своего ребенка и поддержать его в трудную минуту, превратившего его чуть ли не в своего врага. Но он никак не мог изменить свое прошлое, как и подобрать правильные слова, поскольку такое, казалось бы, нетрудное слово "прости" привычно застряло на его языке еще до того, как он успел его произнести.

- Ты что, совсем идиот? - Шотаро понимал, что рыжеволосую девчонку со свадьбы Тору сын припомнил специально, чтобы его позлить, но тут же переключился на возможность не думать о своем отцовском провале из-за другой актуальной проблемы. - Влюбился он... Подобные женщины годятся на то, чтобы с ними переспать, а не для бесед, забивающих голову не тем местом думающего мужчину всякой ерундой. Ты бы ее еще в семью додумался притащить, как...

Шотаро не договорил, понимая, что еще немного и он заберется на опасную территорию, способную взорвать и без того накаленную атмосферу. Сейчас он как никогда понимал своего отца, на которого обижался долгие годы за излишнюю резкость по отношению к первой жене. Но, прожив немало лет, ему стало ясно, что все когда-либо сделанное Мотидзуки Рэном, было проявлением его любви к семье, которую он по молодости не желал замечать, как не хотел сейчас этого делать и Сэтоши, повторяя его ошибки и, похоже, желая присовокупить к ним еще немало своих.

Сэтоши Мотидзуки

На его гневную речь, которую на сто один процент нашептывал алкоголь, отец долго молчал, а потом переключился на тему его общения с Маргаритой. И Сэтоши болезненно поморщился, вспомнив, как каких-то несколько часов назад тетя Фуэми назвала эту красивую и очень милую девушку блудницей. Он сильно сжал руки в кулаки, так сильно, что побелели костяшки, а коротко стриженные ногти впились в кожу. Но сейчас это было неважно, сейчас это его волновало в меньшей степени.

- Ты о ней ничего не знаешь, какое ты имеешь право говорить, что она подходит только для того, чтобы переспать? - Вскричал Сэтоши, вскакивая со стула. - Ты не имеешь никакого права запрещать мне встречаться с теми людьми, с которыми я хочу. Я думал, что ты хотя бы выслушаешь меня, но... тебе просто легче устроить омиай, чтобы получить какую-то выгоду для себя. Конечно, тебе же плевать на мои чувства! На мою жизнь! На мои желания!

Он сел обратно на стул и снова потянулся к бутылке, но на этот раз убрал руку. Какой-то остаток здравого смысла говорил ему перестать пить.

Путеводная Нить

Шотаро не знал, на что рассчитывает, говоря о первом за долгое время увлечении сына, о котором он рискнул ему сообщить ему, столь нелестные вещи. Только в какой-нибудь фантастической истории влюбленный мог спокойно выслушать подобные вещи и даже не возмутиться, но, конечно, в реальной жизни в его адрес последовали крики и обвинения в эгоизме. Но, что самое печальное, прекрасно все это понимая, Шотаро успел распалиться уже настолько, что перестал контролировать свой язык, повышая голос так же как и сын.

- Да я знаю побольше твоего! - он уже кричал, пытаюсь как-то сдержаться, но чувствуя, что не может. - Как будто я никогда не был подобным дураком! Да я из-за такой девчонки с родителями разругался. И к чему это привело? Неудачному браку и полуторогодовалому ребенку на руках. Хочешь пойти по моим стопам?

Он замолчал и потянулся к бутылке, собираясь наполнить свою стопку, но потом передумал и сделал глоток из горла. Шотаро никогда таким образом не употреблял алкоголь, но сейчас ему хотелось совершить что-то неправильное, чтобы как-то перебить постепенно заполняющее его чувство горечи, вызванное жесткими словами сына.

- Я никогда не искал выгоду для себя, - сказал он уже спокойнее. - Я всегда думал о том, что лучше для моих детей, даже если вы с Джуном до сих пор не смогли этого понять.

Шотаро снова приложился к бутылке, с отвращением думая, что не чувствует вкуса, оттенками которого так хотел насладиться на протяжении последнего месяца. Бутылка их общими стараниями опустела практически наполовину, а для него из-за растрепанного эмоционального состояния ее содержимое мало чем отличалось от дешевого пойла, предлагаемого в низкопробных закусочных.

Сэтоши Мотидзуки

От отца последовала примерно такая же реакция, как и только что от него. Отец начал кричать. И не просто кричать, а вспомнил ее. Это воспоминание больно резануло по сердцу, заставив его болезненно поморщиться и снова сжать руки в кулаки. Первой мыслью, где-то остатками здравого смысла, было желание уйти. Попросить прощения за свое поведение и уйти. Позорно сбежать, чтобы не заставлять отца, которого он, в принципе любит, переживать болезненные моменты прошлого. Но эта здравая мысль тут же сдохла под натиском алкоголя, что даже не дала языку молодого человека озвучить ее.

Он хотел снова выпить, но тут отец начал пить из горла, чего за ним никогда раньше не водилось. Сэтоши бы почувствовал угрызения совести, если бы был хоть на несколько капель трезвее, но сейчас в его душе поселялась ненависть. И это пугало. Он пытался остановить свой язык, но уже не получалось.

- Да ничего ты не знаешь, - холодно прошипел молодой человек, - ты совершенно

ничего не знаешь о моих чувствах. Я всегда думал, что это она сама ушла, считая, что ей нужна была другая жизнь, но... я сегодня был у бабушки. Она мне рассказала, что это ты вынудил ее уйти! Ты запретил ей видиться со мной. Тебе было плевать на ее чувства! На мои слезы и страхи, почему мама никогда больше не придет! Если бы ты любил ее, то этого бы не было.

Он замолчал и, заметив, что отец перестал пить, выхватил у него из рук бутылку и влил в себя несколько больших глотков.

- Тебе было плевать на женщину, которую, как сказала бабушка, ты сильно любил. Но если ты хочешь потешить свое самолюбие, то давай, найди мне идеальную пассиву, для своей выгоды...

Воздух накалился до того, что, наверное, можно было поставить варить яйца, и они бы сварились вкрутую. Здравому смыслу у молодого человека уже не было и в помине, но, наверное, он сильно пожалеет об этих словах. Он с обреченным видом опустил бутылку на стол. Появилось неприятное чувство, а в глазах снова появились слезы. Он опустил голову и зажмурился. Воспоминания о матери терзали его мозг.

Путеводная Нить

Шотаро долгие годы старался избегать неприятной для него темы, но вот она всплыла в самый неподходящий момент, когда в отношениях с сыном все и так было хуже некуда. Но отступать было поздно, поскольку Сэтоши своими обвинениями загнал его в угол и вынудил вернуться в те времена, когда он еще был женат на Нэтсуми, чтобы объяснить сыну, что в их отношениях с первой женой все было не так однозначно.

- Я вынудил ее уйти? - Шотаро хотел перейти на обычный тон, но из-за дрожащего от возбуждения голоса у него ничего не получалось. - Да когда она первый раз только упомянула об этом, я чуть ли не в ногах у нее валялся, чтобы убедить остаться! Я бы никогда не стал ее выгонять, но она сама не захотела жить обычной семейной жизнью. Да, я на нее давил, считая, что она должна заниматься мужем и ребенком, а не своей карьерой, о которой она так мечтала. И поэтому она постепенно начала меня ненавидеть. Ненавидеть настолько, что жизнь со мной стала для нее невыносимой, и она предпочла оставить все, лишь бы только находиться от меня подальше!

Он почувствовал приступ дикой злости, поэтому резко дернулся в сторону сына, чтобы снова забрать бутылку, которой, похоже, сегодня суждено было переходить из рук в руки, но сделал это крайне неудачно, не забирая, а выбивая бутылку из рук Сэтоши и замирая, слыша как та ударяется об пол и разлетается вдребезги, разбрызгивая свое содержимое.

- Я не собираюсь искать тебе никакую пассиву, - происшествие его немного отрезвило, поэтому с криков Шотаро перешел практически на свой обычный тон. - Я вообще больше ничего не буду для тебя делать. Не хочешь быть Мотидзуки - пожалуйста. Иди по стопам своей распрекрасной матери и живи, как знаешь.

Шо почувствовал, как на него навалилась жуткая усталость. Он понимал, что не

справился с отцовской ролью и теперь должен был пожинать плоды своих предыдущих усилий. И, с учетом всего сказанного и сделанного, одно он понимал точно - их привычная семейная жизнь закончилась, и теперь подходило время открывать новую, пока еще совершенно пустую страницу их запутанной истории.

Сэтоши Мотидзуки

Каждое слово отца острым кинжалом вонзалось в его сердце, разрезая на много маленьких лоскутков. Он понимал, что совершенно запутался, а от обилия противоречивой информации начала кружиться и болеть голова. Потому что информации было много, и все было непонятно. После рассказа бабушки он считал, что отец вынудил ее уйти, заставив забыть о нем и маленьком ребенке. Сейчас ему показалось, что отец, наоборот, пытался ее удержать. А она его ненавидела настолько, что бросила и своего сына. Получается, что не отец всегда был эгоистом, а мать? И ей не был никто нужен? Но как же эта фотография? Или она и тогда была актрисой и просто играла на чувствах? Что же, у нее прекрасно получилось...

Он сильно зажмурился, до боли в глазах, пытаясь хоть как-то остановить своих демонов, которые больше двадцати лет не выходили на свободу. Не очень большой срок, чтобы они были невыносимыми, но и немаленький, чтобы просто не реагировать на них.

Ему было четыре. В середине мая в Японии отмечался день матери. Они в садике учили стишок, и маленький Сэтоши тоже учил стишок, желая как-нибудь рассказать его маме. Но мамы не было. И никто, у кого бы он ни спрашивал, не мог ответить на его вопрос "где мама". Бабушка уходила от ответа, пытаясь отвлечь его чем-то, дед не любил, когда к нему приходили с подобными вопросами. А отец всегда раздраженно "отталкивал" сына, отвечая чем-то вроде "отстань". Мальчик завидовал детям, которых забирала мама из садика, но зависть - это плохое чувство. Ему хотелось, чтобы у него тоже появилась мама. Но его постоянно забирала тетя Фуэми, приходя за Рюичиро. Он свыкся с этим, но смириться не мог. Тетя редко с ним разговаривала, да он и не напрашивался. Но на разные праздники, типа дня матери, он дарил ей поделки. А она их небрежно складывала куда-то.

Это яркое воспоминание, болезненное, сменилось другим, не менее ярким. Он вспомнил, как отец потащил его на встречу с женщиной.

Он смотрел на женщину своими грустными глазами, в которых читалось любопытство. Она была красива, изящна, не то, что его тетя. Отец их представил, и эта женщина присела около него на корточки. Протянула руку.

- Как тебя зовут, малыш? - ее нежный и ласковый голос обволакивал сознание.

- Сэтоши, - ответил мальчик, скромно и неуверенно протягивая ей руку...

Он сильно вздрогнул от этих воспоминаний и открыл глаза. Слез уже не было. Он хотел взять бутылку, но отец в этот момент ее перехватил, и она разбилась, заставив его сильно вздрогнуть и побледнеть. Потом снова покраснеть и сглотнуть. Сердце заколотилось в груди, по спине пробежал холодок, и он, поняв, что не может больше выносить все это, хотел было позорно уйти из кабинета. Только встать он не

смог, а жалкая попытка это сделать отдалась спазмом в желудке и болью в голове.

- Я... - тихо прошептал он, понимая, что ко всему прочему добавился предательский ком в горле, мешающий говорить. - Я... не знал... Но... прости...

Это "прости" он прошептал одними губами, понимая, что сейчас все испортил, и что отец его никогда не простит за такую наглость. И если раньше была хоть маленькая надежда найти с отцом общий язык, услышать от него хотя бы какое-то доброе слово, да просто, что он молодец и справился с отчетом, то сейчас эта надежда разбилась вдребезги вместе с бутылкой. Он все испортил.

Хотелось уйти. Проспать, собрать свои вещи и уехать. Оставить отца одного, наедине с этим. Но ведь за неимением матери он любил отца. Сильно, как может любить только маленький мальчик. Он не может просто так все взять и бросить. На языке осталось много слов, но он не успел их соединить в предложения и озвучить, как в кабинет открылась дверь, впуская взволнованную Мизуки, которую он всегда звал мамой. От этого стало еще больнее, и он застонал...

Путеводная Нить

После его слов Сэтоши на какое-то время притих и на его лице отразилось смятение. Шотаро понимал, что сыну очень трудно уложить в своей голове, что в их истории с Нэтсуми, каждый был виноват в равной степени, постепенно расшатывая и разваливая то, что не было готово к проверке на крепость. И, при других обстоятельствах он бы попытался как-то разобраться с ситуацией и вернуться к тому, что было до этого разговора. Но, с учетом своего опыта, Шотаро понимал, что попытка замять проблему все только усложнит. Когда Нэтсуми первый раз сказала, что хочет от него уйти, он не воспринял все это всерьез, обещая ей и самому себе, что в их отношениях все изменится. И только лет так через двадцать Шо понял, что невозможно изменить отношения, если не поменялись сами люди. Но в молодости он не хотел этого замечать, поэтому за первой угрозой развода последовала вторая, затем третья... И так до тех пор, пока обманывать себя уже больше не было ни смысла, ни возможности.

По движению губ Сэтоши Шотаро разобрал, что тот пытается попросить прощения, но было уже слишком поздно. Не желая повторять своих старых ошибок, он уже принял решение, к которому шел давно и которое мучило его не меньше, чем злость и ненависть в словах собственного ребенка. Но в нем всегда воспитывали умение идти до конца, поэтому заставить его отступить сейчас не могли ни раздирающий душу вид сына, ни появление в зверях взволнованной жены, привлеченной идущим из кабинета шумом.

- Мизуки, - Шотаро постарался, чтобы его голос звучал твердо, - в ближайшие дни наш сын, - он сделал упор на слово наш, - поедет в Токио. Завтра, - он повернулся к Сэтоши, - получишь расчет и чтобы в течение трех дней тебя здесь не было.

Мизуки начала возражать, пытаясь найти какую-то альтернативу, но он покачал головой, показывая, что торги здесь неуместны.

- Хочешь пожить так, как обычный человек без защиты семьи - пожалуйста. Я не

собираюсь ограничивать твое общение с родными по телефону, но здесь ты появляться не будешь. И да, на финансовую помощь тоже можешь не рассчитывать. Даю тебе полгода. - Он сам вздрогнул, называя такой долгий срок, но решил, что лучше его снизить потом, а сейчас продемонстрировать серьезность своих намерений. - После можешь вернуться и в семью, и в компанию. Последнее будет зависеть только от твоего желания.

Он повернул голову в сторону жены, ожидая от нее новых возражений, но она молчала, смотря на него так, что Шотаро предпочел бы любые крики и ругань этому ее полному боли взгляду, который он видел впервые, и который стал для него самым страшным наказанием за вынужденную жестокость по отношению к сыну.

Сэтоши Мотидзуки

Как он и ожидал, его попытку извиниться никто не расслышал и не принял всерьёз. Он себя сам никогда не просит за этот поступок, когда имел наглость кричать на собственного отца, которого любит, ценит, уважает. Наверное, не стоило быть таким резким, не стоило всё это говорить, но раз уже не было пути назад, то жалеть о чём-то не было смысла. Он, молча выслушав вердикт отца, робко посмотрел на мать, от вида которой в его горле застрял комок боли и слёз. Он сильно прикусил губу и сглотнул, потом мотнул головой. Мама сначала хотела было заступиться за него, как это делала иногда, но её этот вид, будто от сильной боли и смирения, заставил молодого человека вздрогнуть и побледнеть.

- Я... Да... - тихо прошептал он и тяжело поднялся со стула. Голова закружилась, и он пошатнулся и опёрся руками о стол. Посмотрел на отца расплывчатым взглядом из-за головокружения и кивнул. - Прости... я действительно не хотел, чтобы так всё случилось. И...

Договорить ему не дал спазм в желудке, после которого обычно зависают либо над раковиной, либо над унитазом, и он быстро и нетвёрдой походкой удалился из кабинета, оставив там родителей. После спазмов он умылся и, почувствовав к себе отвращение, отправился в свою комнату, где и заснул мертвецки пьяным сном, даже не дойдя до кровати. Он никогда раньше не думал, что может напиться до такого состояния. Он не знал, что принесёт с собой завтрашний день, и имел представления, что ему делать, но это будет потом.
